

стужна; бо; достигл; туча презелна; треба. В «Езде в остров любви» славянизмов нет, и это, по-видимому, для самого Тредиаковского означало решительный разрыв с литературным языком «московских латынщиков». Достаточно вспомнить те извинения, которыми сопровождает Федор Поликарпов введение им русских слов в перевод «Географии» Варения: «Моя должность объявити яко переводих сию (книгу, — И. С.) не на самый высокий славянский диалект против автора сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданского посредственного употребляя наречия, охраняя сенс и речи оригинала иноязычного».²³

Перевод Тальмана был дерзким вызовом всей официальной литературной традиции и по «теме», и по языку.

4

Своим переводом «Езды в остров любви» Тредиаковский предложил обширную программу литературных реформ, часть из которых была осуществлена им, а часть была выполнена позднее уже другими деятелями русской литературы и просвещения. Но Тредиаковский в это время вовсе не был кабинетным ученым-эрудитом, каким его изображают некоторые исследователи. Сразу же по возвращении в Россию он включается в общественную жизнь и делает свое творчество рупором определенных политических идей. Как и до отъезда за границу, Тредиаковский выступает убежденным сторонником просвещенного абсолютизма, воплощением которого для него являются личность и деятельность Петра I. Как справедливо полагает Пекарский, к 1731 году относится один неопубликованный перевод²⁴ Тредиаковского, по которому можно представить себе его политические идеалы и практическую общественную программу. Перевод, по-видимому, предназначался для «Примечаний» к «С.-Петербургским ведомостям», так как иначе не было бы необходимости в заголовке: «Из книги называемая Спектатор (Смотритель)» перед названием самой статьи: «Сравнение между Лудовиком XIV и Петром Алексеевичем, российский императором, в рассуждении славы». Статья, переведенная Тредиаковским с французского перевода, изданного в Голландии, с исключительной силой и резкостью сравнивает между собой деятельность Лудовика XIV и Петра I, отдавая полное предпочтение последнему.

Эта статья из «Спектатора», по-видимому, была очень популярна в России, среди сторонников Петра и просвещенного абсолютизма. О ней сочувственно отозвался Феофан Прокопович в своем «Слове

²³ П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. II. СПб., 1866, стр. 433.

²⁴ П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 26.